

10. Скалабан В. Яўсей Канчар – палітык, гісторык, мемуарыст // Беларуская думка. 2010. № 1. С. 96.

В.А. Острога (г. Минск, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ В 1920–1930-е гг.

Как известно, после закрытия Виленского университета (1832 г.) и Горы-Горецкого сельскохозяйственного института (1863 г.) Белорусский край стал представлять собой сравнительно отсталый в культурно-образовательном отношении регион Российской империи, а белорусская молодежь под давлением обстоятельств вынуждена была оставлять родину и ехать учиться в Петербург, Москву, Варшаву. Ежегодно из края отбывало примерно 70 % выпускников гимназий и реальных училищ, и значительная часть получивших образование уже не возвращалась в Беларусь. Не проводилось в этот период и профессиональных научных исследований. Все попытки создать новый университет поддержки у властей не находили.

Поэтому говорить о существовании до начала 1920-х гг. белорусской науки, исторической в частности, в полном смысле этого слова нельзя. Лишь открытие в 1921 г. Белорусского государственного университета (БГУ) и начало деятельности с 1922 г. Института белорусской культуры (Инбелкульт) стало решением давно назревшей проблемы. Скорейшему восстановлению на белорусских землях исторической науки содействовал и приезд из российских и украинских университетов таких известных историков, как В.М. Дьяков, Д.М. Жаринов, Н.М. Никольский, В.Н. Перцев, В.И. Пичета, А.А. Савич, А.Н. Ясинский. Все они внесли в развитие белорусской исторической науки, в особенности всеобщей истории, свой достойный вклад.

Необходимо отметить, что в период становления национальной исторической науки, особенно в 1920-е гг., приоритетное

внимание уделялось изучению национальных сюжетов. Остальные направления истории оставались на втором плане.

Но задачи культурного возрождения требовали проведения в республике систематических научных исследований. Однако на решение этой сложной проблемы отводился только минимум средств и кадрового потенциала. Одним из первых шагов в этом направлении было создание в 1921 г. Академического центра, который занялся разработкой общего плана развития народного образования, программ деятельности научных заведений, подготовкой и привлечением научных сил, необходимых для культурного развития БССР. В том же году была создана Научно-терминологическая комиссия при Наркомпросе БССР, на базе которой в 1922 г. был образован Инбелкульт. Последний занимался научными исследованиями в разных отраслях знаний и координацией всей научно-исследовательской работы в БССР. В частности, в его составе с 1927 г. работала кафедра всемирной истории в связи с историей Беларуси, которую возглавил знаменитый славист, член Чешской академии наук, профессор Московского университета и БГУ А.Н. Ясинский. Институт стал центральным научным заведением Беларуси. Еще ранее, 30 октября 1921 г., был торжественно открыт БГУ, где практически сразу начались исторические исследования на нескольких кафедрах всеобщей истории, которыми руководили В.М. Дьяков и В.Н. Перцев. Таким образом, во второй половине 1920-х гг. была создана необходимая база для научной и преподавательской деятельности в области исторических наук, хотя сами условия непосредственно научной работы были достаточно сложными.

В 1926 г. крупный белорусский общественный деятель и ученый А.И. Цвикевич вспоминал: «Времена тогда были тяжелые... не было ни квартир, ни электричества, не хватало бумаги, чернил... отсутствовали... вообще условия для спокойной академической деятельности» [1]. Преградой для налаживания научной работы было также и географическое положение БССР. «Положение при границе в значительной степени... является преградой для приглашения профессоров», – вспоминал В.Н. Перцев [2].

Вместе с тем именно период 1920-х гг. характеризовался определенной свободой научных мнений. Это был, вероятно, са-

мый оптимистический период деятельности в области исторических исследований, несмотря на возрастающее давление и контроль со стороны партийных органов. Что же касается исследований по всеобщей истории, то из-за недостатка кадров они имели самую низкую результативность. Причины этого достаточно полно были отмечены О.Л. Вайнштейном в его статье в журнале «Историк-марксист» за 1927 г.: «Всеобщая история, в смысле самостоятельной исследовательской работы, насчитывала до революции не больше 2–3 поколений русских историков. Если это обстоятельство с одной стороны облегчило завоевание марксистских позиций на этом фронте, то со второй мы вынуждены констатировать количественную слабость представителей западноевропейской истории в советских ВУЗах. Размеры и количество научной работы в области всеобщей истории еще в большей степени испытали на себе неблагоприятное влияние иных, хоть и временных причин:

- крайняя ограниченность научных командировок в Западную Европу;
- сильное уменьшение поступления из-за границы литературы;
- пониженная подготовка новых студентов, в частности, незнание иностранных языков;
- для национальных республик... национальная мысль, которая вырвалась из дореволюционных оков, стремительно ищет источник и основание своего культурного возрождения не в чужой, а в своей национальной истории» [3].

Как бы вторя ему, академик В.Н. Перцев констатировал, что в довоенный период «в Инбелкульте и в АН историческая работа была посвящена преимущественно изучению истории Белоруссии... Иной характер имела работа историков в Белорусском государственном университете. В соответствии с учебными планами университета в нем велась большая научно-исследовательская работа... и по всеобщей истории. Однако и в университете в первые годы советской власти научная работа по истории Белоруссии играла существенную роль» [4]. Отметим, что, несмотря на трудности, в этот период стали формироваться белорусские школы исторической полонистики, германистики, истории Франции и Британии.

К 1929 г. общественно-политическая ситуация в СССР, соответственно и в БССР, значительно осложнилась. Сформированное к этому времени тоталитарное государство решило искоренить всякое инакомыслие, начало решительное наступление на своих противников, в первую очередь, интеллигенцию. Именно в 1929 г., в «год великого перелома», были сделаны конкретные шаги для борьбы с многочисленными «врагами». Это широко-масштабное вмешательство содействовало утверждению полной монополии марксистской методологии. Председатель СНК БССР М.М. Голодод так писал в журнале «Большавік Беларусі» об общественных науках: «Главная задача в этих науках – борьба за марксистскую методологию, это, как говорят, стержень всей работы» [5]. Один из комфункционеров сказал еще более откровенно: «Если научные сотрудники желают быть полезными для нашего строительства, они не должны отходить от партии, должны идти с партией» [6].

В результате с начала 1930-х гг. сужается выбор тематик и методики исторических исследований. Безальтернативно начинает господствовать теория общественно-экономических формаций, всё внимание сосредотачивается почти исключительно на изучении социально-экономических отношений и классовой борьбе как главной движущей силой истории. Повсеместно начинает господствовать классовый подход, который считался единственно правильным. В итоге это привело к тому, что исследовали только вопросы, непосредственно связанные с классовой борьбой и революционными событиями. Темы, которые не вписывались в это русло, (история культуры, история военного искусства, науки, техники и др.) не одобрялись. К ним разрешалось возвращаться только тогда, когда они становились «политически активными». Склонность партийного руководства к военной терминологии была перенесена и в «мирную» науку. Она получила название «исторический фронт», отрасли науки – «участки фронта», а ученые – «бойцы исторического фронта». Характерным примером диктата сверху была статья деятеля Коминтерна, в прошлом секретаря ЦК КП(б)Б и профессора БГУ В.Г. Кнорина, в которой перед историками Запада (новой и новейшей истории Европы и Америки) среди прочих ставились следующие за-

дачи: «усилить научную работу с политическими нуждами рабочего класса... разрабатывать теоретические проблемы в тесной связи с... борьбой за мировую революцию... каждую страну рассматривать как с точки зрения ряда ее противоречий с СССР, так и с точки зрения ее отношений к англо-американскому мировому спору...» [7].

В скором времени историческая наука, новая история в том числе, становится одним из проводников идей коммунистической партии, «воспитателем» народных масс. Она «окутывала» в наукоподобную форму идеи партруководства. Научные дискуссии преобразуются в «идеологические битвы». Попытки историков противостоять политизации, идеологизации науки были безрезультатными. Любые противоречия власть принимала как проявление антибольшевизма, оппортунизма, ревизионизма, вредительства. В отчете «Культурное строительство БССР за 15 лет» (1932 г.) отмечалось: «В области культурного строительства партия вела и ведет безжалостную борьбу с контрреволюционным национал-демократизмом, троцкизмом, бундовской контрабандой, великодержавным шовинизмом, и только громя вражеское сопротивление, добивались больших успехов» [8].

Определенные сдвиги в исторической науке СССР начали происходить только с 1934 г. в результате резко возросшего внимания авторитарного государства к истории как инструменту воздействия на сознание человека. Тогда же новая история получила «боевые исторические проблемы»: «История Коминтерна, история империалистической войны, история борьбы с фашизмом». А в вузах БССР стали формироваться ликвидированные ранее кафедры всеобщей истории.

Быстрому укоренению марксистской методологии способствовало и то, что борьба с «врагами народа» выливалась в прямое уничтожение интеллигенции. Первая волна репрессий относится к концу 1929 – началу 1930-х гг. Одной из первых жертв стал славист, первый ректор БГУ профессор В.И. Пичета. Но самыми многочисленными и кровавыми были расправы в 1937–1938 гг. Дело дошло до того, что ученые стали бояться своей профессии, своих занятий. Так, известный специалист в области новой истории профессор В.Н. Перцев с середины

1930-х гг. изменяет свою специализацию и переходит от новой истории к истории раннего средневековья. Это дало ему некоторую возможность отойти от актуальных проблем новой истории в более спокойную отрасль науки, менее доступную для партийных функционеров.

В результате этого была нарушена преемственность между разными поколениями историков, традиция наставничества. Старшие поколения были практически уничтожены или высланы в лагеря. Молодые начинали работу самостоятельно, не имея рядом опытных научных руководителей. Для формировавшихся в БССР исследований по всеобщей истории это было тяжелейшее испытание.

Так, академик В.В. Щербаков в мае 1935 г. на Всесоюзном совещании возобновленных с 1934 г. истфаков заявил: «Исторический факультет (БГУ. – В.О.) имеет те же трудности, что МГУ и ЛГУ, но степень их усиливается тем, что в Беларуси почти нет кадров по истории... и, наконец, что среди белорусских историков недостаточно раскрыты националистические тенденции» [9]. Именно из-за массовых репрессий, которые породили недостаток кадров, в 1930-е гг. широкое распространение получило совместительство. Так, в 1936 г. в БССР 92 % профессоров и 68,7 % доцентов работало по совместительству [10].

Волна репрессий 1937–1938 гг. была особенно сильной. Много историков было арестовано фактически безо всяких обвинений. Первые жертвы начали появляться еще в 1936 г. В августе была арестована как бы за призыв к свержению Советской власти специалист по истории Запада, старший научный сотрудник Института истории АН БССР А.С. Либман. В декабре арестован Т.Ф. Домбаль, член ЦК КП(б)Б, ЦИК БССР, вице-президент АН, специалист в области международного крестьянского движения. Он обвинялся в шпионаже в пользу Польши.

Всего, по собственным подсчетам автора, количество жертв беззаконности среди исследователей новой и новейшей истории вместе с авторами публицистических статей составляет 80–85 % из полтораста человек, особенно исследователей польской и западнобелорусской тематик. В результате массовых арестов сложился катастрофический недостаток специалистов. Например, в 1938 г. прекратились исследования по польской тематике,

а вместо запланированной в 1934 г. в БГУ удалось создать кафедру новой истории только в 1937 г.

Таким образом, белорусская историография новой и новейшей истории зарубежных стран прошла в 1920–1930-е гг. сложный и в некоторой мере трагичный период своего становления. Но именно в это время в БССР была заложена основа для дальнейшего развития исторических исследований в области всеобщей истории, а также формирования известных впоследствии исторических школ.

Примечания

1. Інстытут Беларускае Культывты / склаў А.І. Цьвікевіч. Менск, 1926. С. 10.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 238. Л. 3.
3. *Вайнштейн О.Л.* Научно-исследовательская работа по истории Западной Европы в советских вузах в 1924–25 гг. по их публикациям // Историк-марксист. 1927. Т. 3. С. 210.
4. *Перцаў У.М., Краўчанка І.С., Капыскі З.Ю.* Гістарычная навука за сорок год // Навука у Беларускай ССР за 40 год. Мінск, 1958. С. 67.
5. *Галадзед М.М.* Задачы навуковай работы і роля Беларускай акадэміі навук // Бальшавік Беларусі. 1931. № 8/9. С. 25.
6. НАРБ. Ф. 4. Оп. 16. Д. 56. Л. 6.
7. *Кнорин В.* Задачи марксистско-ленинской науки по истории Запада // Большевик. 1931. № 11. С. 70.
8. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Д. 139. Л. 66.
9. Совещание исторических факультетов и исторических институтов // Историк-марксист. 1935. Т. 5/6. С. 169.
10. *Паходня К., Стульба А.* Навукова-педагагічныя кадры вышэйшай школы БССР // Сацыялістычнае будаўніцтва. 1936. № 6/7. С. 45.

В.Е. Козляков (г. Минск, Республика Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Демократизация общества в 90-е гг. XX в., распад СССР, возникновение на постсоветском пространстве ряда независимых государств способствовали пересмотру устоявшейся идентично-